

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42+81'37+811.11

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.40-52

ПРАГМАСЕМАНТИКА МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.Д. Горячева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

Аннотация

Статья посвящена выявлению особенностей прагмасемантики метатекстуальности в автобиографическом текстово-дискурсивном пространстве. Метатекстуальность трактуется автором как единство собственно метатекстовых элементов и метапоэтических смыслов, поскольку писатель как продуцент автобиографического дискурса всегда характеризует в нем собственное восприятие процесса творчества и эстетических принципов. Основными методами исследования являются индуктивно-дедуктивный метод, метод сравнения и сопоставления, семантический анализ, метод филологической интерпретации. На материале автобиографической книги Ю.К. Олеси «Ни дня без строчки» определено, что основными вербализаторами метатекстуальности выступают вводные слова и конструкции, вставные конструкции, градационные сравнения и развернутые метафоры, лексемы *жизнь*, *писать*, *искусство* и их словообразовательные дериваты, прецедентные онимы, стилизация метапоэтических фрагментов под обращенные монологи. Сделан вывод о том, что прагмасемантический потенциал метатекстуальности обуславливается в своей реализации спецификой метапоэтики автобиографического дискурса писателя как личностного бытийного дискурса.

Ключевые слова: автобиографический дискурс, языковая личность, прагматика, семантика, метатекстуальность, метатекстовые элементы, текстово-дискурсивное пространство

Современная лингвистика актуализирует изучение автобиографического дискурса в связи с упрочением позиций антропоцентрического подхода к изучению текстово-дискурсивной деятельности языковой личности. Очевидно, что тексты, имеющие автобиографический характер, являются реализацией автобиографического нарратива: события жизни его продуцента упорядочиваются в процессе рассказа о них, вследствие чего получают последовательное осмысление. При этом подобное повествование можно представить как в устной, так и в письменной форме, а его цель всегда – реконструкция некоего личного опыта.

Автобиографический дискурс может быть непротиворечиво описан при опоре на понятия факта, события и нарратива. Факт традиционно трактуют как такие элементы динамично развивающегося конкретного процесса, которые были выбраны адресантом дискурса в соответствии с собственной

ценностной картиной мира и оценочностью. Факт может и не фиксироваться в окружающей действительности, а быть достоянием ментальной сферы (например, фантазией, сном). В процессе «присвоения» субъектом познания факт приобретает новые смыслы, обуславливая функционирование нарративности в автокоммуникации. Событие, как и факт, должно быть избрано адресантом дискурса в том числе и потому, что личность так или иначе вовлечена в это событие – социально-ситуативно или личностно: именно это и делает событие в автобиографическом дискурсе ценностным (см. [1; 2]). Отметим в этой связи, что не только художественный дискурс, но и дискурс автобиографический ориентирован на вовлечение в процесс интерпретации смыслов дискурсивного пространства и автора (адресанта).

С учетом вышеизложенного нарративность автобиографического дискурса представляется необходимым условием его структурирования: нарратив позволяет представить в таком дискурсе события, а сам автобиографический дискурс приобретает обязательную диалогичность. Вне нарратива события нет: для того, чтобы оно было сформировано как данность, о нем должно быть рассказано. Очевидно, событие как компонент нарратива обретает существование посредством адресованности дискурса Другому или автоадресованности. Линейность нарратива определяется последовательностью представления событий, но такая последовательность может быть и не хронологической. В этом случае правомерно говорить о функционировании в автобиографическом дискурсе нарративных стратегий, основанных на психологических или внутрилитературных (связанных с поэтикой текста) дискурсивных компонентах. Е.М. Болдырева отмечает, что «жизненный опыт субъекта – это “черновик” огромного множества историй о себе, “испытательный полигон” для множества нарративных автобиографических проектов» [3, с. 247]. Очевидно, что нарратив языковой личности о событиях собственной жизни выступает прототипической формой автобиографического дискурса.

Автобиографический дискурс характеризуется субъективностью, репрезентированной различными средствами модальности. При этом важно подчеркнуть, что субъективность представляет собой онтологическое свойство мышления, и оно облигаторно реализуется в языке. Нарратив вне субъективности не существует [4, с. 96]; более того, основной функцией нарратива признается субъективизация мира [5]. Сама событийность, выстраиваемая в автобиографическом дискурсе, является следствием реализации интенций автора и целенаправленно-го отбора им событий в жизненном потоке.

Автобиографический дискурс имеет сложную природу потому, что событийность в этом дискурсивном пространстве может иметь характеристики фактуальности и вымысла одновременно: так происходит вследствие влияния на автобиографический дискурс нарративности как процесса рассказывания. При этом вовсе необязательно, что адресант автобиографического дискурса намеренно будет опираться на принципы именно художественного нарратива, однако мы должны иметь это в виду, когда обращаемся к изучению автобиографического дискурса писателя. Конкретные факты исторического и социокультурного процесса, вообще событийность как таковая – это всегда то, что провоцирует автора

на применение домысла и «примысла» даже вне авторской интенциональности, которая могла бы быть направлена на создание заведомо вымышленных ситуаций и описаний событий, не происходивших в действительности. Вымысел в автобиографическом дискурсе имеет иную природу: воспоминания о давно прошедшем не могут быть в полной мере достоверны, автор ненамеренно искажает случившееся с ним, выстраивая исторические факты и события собственной жизни в соответствии с требованиями фабульно-сюжетной модели, свойственной литературно-художественному дискурсу.

Особый интерес представляет изучение автобиографического дискурса художника слова, поскольку в нем практически всегда могут быть выявлены элементы метатекстуальности, так или иначе объясняющие не только выбор языковой единицы, синтаксической конструкции, словесного образа, но и сам процесс творчества, его обусловленность фактами внешней биографической жизни и так называемой «внутренней биографии», становления таланта, его психологической и социокультурной обусловленности. Совершенно особое место в автобиографическом текстово-дискурсивном пространстве занимают автобиографические записки, мемуары, которые помещены в прагматические координаты неканонической коммуникативной ситуации, когда продуцент дискурса отделен от реципиента значительной дистанцией в пространстве и времени. Важно в этом отношении и то, что между биографической личностью автора и субъектом *Я*-нарратива в самом автобиографическом дискурсе могут возникать значительные различия именно ввиду отдаленности событий в физическом и психологическом времени.

Метатекстовые элементы маркируют собственно метатекст как такой языковой феномен, в котором анализу подвергаются свойства, закономерности и методы построения другого текста, а также сама его структура. Метатекстуальность характеризуется двунаправленностью, представленной метатекстовыми элементами, – структурным и семантическим анализом. Последние десятилетия ознаменованы пристальным вниманием лингвистов к метатексту и метатекстуальности, при этом они изучаются в различных текстово-дискурсивных пространствах. Однако недостаточно внимания уделялось, на наш взгляд, анализу метатекстуальности в автобиографическом дискурсе писателя, что закономерно обуславливает определенный эвристический потенциал обозначенного ракурса лингвистических исследований.

Материалом настоящего исследования выступает автобиографическая книга Ю.К. Олеси «Ни дня без строчки» – в сущности, это цикл небольших по объему автобиографических очерков; первые отрывки из этой книги были опубликованы в 1956 г. в альманахе «Литературная Москва», книга вышла в 1965 г. Выбор материала обусловлен важной для изучения автобиографического дискурса широкой представленностью в текстово-дискурсивном пространстве метатекстовых элементов, характеризующих не только нарратив языковой личности, но и коммуникативный репертуар литературной личности Ю.К. Олеси.

Как метатекст («текст о тексте») трактуются «авторское повествование в повествовании», «автометатекстуальность», «саморефлексии», «метарефлексии», «автокомментарии», «метаповествования» и пр. Т.М. Николаева указывает

на понимание метатекста как компонента семантической структуры текста при отсутствии разграничения метатекста и пропозициональных структур: это эксплицитные языковые (частично параязыковые) средства, реализующие текстуальные, интерперсональные или контекстуальные функции, с помощью которых текст или ситуация воспринимаются реципиентом как единое целое в особым образом структурированной интерпретации за счет метатекстуального комментирования содержания текста-объекта в процессе его порождения [6].

А. Вежицкая определяет метатекст как высказывание об основном тексте [7], что дает возможность уточнить понимание этого коммуникативно-прагматического феномена не как системного текстового образования, но как некоего набора особых метаэлементов, которые углубляют семантику основного текста и структурируют его (вводные слова, вставные конструкции, вербализаторы субъективной модальности и пр.) [8–10]. Метатекст в художественном тексте акцентирует внимание читателя не только на вымышленных событиях, но и на личности самого автора, на процессе продуцирования текста [11]. Поэтому закономерно, что метатекстовые элементы становятся сферой исследовательского интереса и в координатах изучения метапоэтики [12], система которой реконструируется на основе данных метатекста и самого метапоэтического текста.

В автобиографическом дискурсе писателя нам представляется целесообразным рассматривать метатекстуальность в единстве собственно метатекстовых элементов и метапоэтических смыслов, поскольку художник слова всегда высказывается о процессе творчества, о принципах эстетики слова. Ю.К. Олеша, рассуждая о природе писательства, создает метапоэтические контексты разного объема. Они зачастую отсылают читателя к авторитету посредством прецедентных онимов (в данном примере – *Лев Толстой или Гончаров*): «Уже почти не о чем писать. Я, конечно, мог бы писать романы с действующими лицами, как писал Лев Толстой или Гончаров, который, кстати говоря, прорывался уже в неписание, по мне делать это было бы уныло. Время тлеть» (Олеша, с. 362). Прецедентными эти имена собственные становятся именно в конкретном контекстуальном окружении, поскольку для Ю.К. Олеси важно подчеркнуть «населенность» многочисленными героями романов обоих писателей XIX в., акцентируя внимание адресата на общеизвестных аспектах творчества своих предшественников, а значит, выявить те особенности их текстов, которые и так уже закреплены в сознании обычного читателя как показатели творческого кредо. Кроме того, этот метапоэтический контекст характеризуется наличием метатекстовых элементов, к которым относим вводное слово *конечно*, вводную конструкцию *кстати говоря*, вставные конструкции, характеризующие метапоэтические смыслы приведенного фрагмента: *как писал Лев Толстой или Гончаров; по мне делать это было бы уныло*. Очевидно, что метатекстуальность приведенного макроконтракста опирается на употребление ключевых слов и высказываний с семантикой литературного творчества: *уже почти не о чем писать; я мог бы писать; прорывался уже в неписание*. Прагматика метатекстуальности фиксируется в этом случае как воздействие на читателя посредством сравнения личности самого проду-

цента автобиографического дискурса, Ю.К. Олеши, и его предшественников в литературном процессе, и смысловой ряд замыкается фразой *время тлеть*, в которой внимательный читатель должен уловить авторскую иронию как показатель объективации субъективной модальности.

Также в следующем фрагменте: «До некоторых размышлений Томаса [Манна] мне не дотянуть, но в красках и эпитетах я не слабее» (Олеша, с. 469) – отметим вполне оправданное сопоставление Ю.К. Олешей себя и своих творческих поисков с классиками мировой литературы: ясно, что не только в *красках и эпитетах* видит писатель собственные заслуги перед русской литературой. Философские размышления – это и его, Ю.К. Олеши, а не только Т. Манна, избранная сфера. Очевиден здесь имплицитный смысл: автор вполне оправданно осознает себя равным Т. Манну, только творческий процесс, объективированный в том числе и посредством метатекстовых элементов в приведенном контексте, у Ю.К. Олеши, разумеется, иной. И ключевое отличие фиксируется именно в лексическом сочетании *в красках и эпитетах*, так как проза писателя импрессионистична, в ней выходят на первый план бесценные мгновения впечатлений.

Конечно, метатекст в автобиографическом дискурсе писателя не может не содержать отсылок к авторитету в литературном процессе в целом: такие контексты позволяют читателю судить не только об особенностях творческого процесса самого автора, но и о тех моделях писательского творчества, которые он считает для себя на определенном этапе развития своего таланта образцовыми, например: «Под очарование этих писателей [Верфель, Перуц, Мейринк] довольно трудно было не поддаться – особенно начинающему, не воспитывающемуся на русской литературе, приехавшему из европообразной Одессы» (Олеша, с. 468). Прагматическими маркерами метатекстуальности и метапоэтики выступают в данном случае лексемы и лексические сочетания *очарование, трудно было не поддаться, на русской литературе, из европообразной Одессы*, ориентирующие адресанта автобиографического дискурса на нужный ракурс восприятия культурной среды, в которой формируется и оттачивается талант Ю.К. Олеши.

Метатекстуальность в автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеши эксплицирована через автохарактеристики проявлений творческого процесса, например: «Затем присоединился факт, еще более расшатавший и без того расшатанную технику писания – я бросил курить. Тут уж совсем разладилась связь между головой и рукой. Казалось, навсегда утрачено то чудо – владение скорописью! Оттого, что я писал, не куря, тяжело стучало сердце...» (Олеша, с. 418). В приведенном макроконтексте отмечается вербализация семантики литературного творчества (*технику писания; владение скорописью; писал, не куря*). Особо отметим и явления физического характера, сопровождающие автобиографические события (*бросил курить – оттого, что я писал, не куря, тяжело стучало сердце*), а также развернутые метафоры (иногда с употреблением повторов), которые органично характеризуют коммуникативный репертуар языковой личности Ю.К. Олеши (*еще более расшатавший и без того расшатанную технику писания; совсем разладилась связь между головой и рукой; навсегда утрачено то чудо – владение скорописью*).

Метатекст как прагматический и функционально-семантический феномен свойственен любому тексту, однако метатекстуальность проявляется на самых разных его уровнях именно в случае, когда мы имеем дело с метапоэтическим текстом как значимым компонентом автобиографического дискурса художника слова. В этом случае закономерно говорить об организующей функции метатекстуальности, о чем писала А. Вежбицкая, рассматривая «метатекстуальные нити»: «Они проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [7, с. 421]. В автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеси метатекстовые элементы способствуют объективации мироощущения художника при опоре на реалии окружающего мира: «Помню, в Голицыне, написав фразу, я вскакиваю, выбегаю на эту дачную, пыльную, зеленую с гусями и козами дорогу. Какая мука! Боже мой, какая мука! Доходило до того, что я писал в день не больше одной фразы» (Олеша, с. 418). Емкое и выразительное описание дачной дороги с гусями и козами способствует углублению семантического потенциала данного макроконтракста: автор под воздействием восприятия творческого процесса ощущает и само пребывание в Голицыне как муку, и это акцентировано высказываниями с восклицательной интонацией (*Какая мука! Боже мой, какая мука!*).

Представляется, что метатекстуальность в автобиографическом дискурсе имеет и определенные лексические маркеры: прежде всего, такими показателями метатекста, которые сообщают дискурсивному пространству прагматические признаки нарративности, является глагольная лексема *писать* (в различных грамматических формах), например: «Пусть я пишу отрывки, не заканчивая, но я все же пишу! Все же это какая-то литература – возможно и единственная в своем смысле: может быть, такой психологический тип, как я, и в такое историческое время, как сейчас, иначе и не может писать – и если пишет, и до известной степени умеет писать, то пусть пишет хоть бы и так» (Олеша, с. 251). В приведенном контексте примечательно, что автор намеренно нарушает стилистические нормы, используя многократные повторы, нигде не заменяя формы глагола *писать* на синонимичные (*пишу, писать, пишет*). Прагматика метатекстуальности реализована в этом дискурсивном фрагменте, ориентированном на диалогичность коммуникации с читателем, и за счет включения в смысловое пространство автобиографического дискурса лексических маркеров сфер *Литература, История и Психология* (*Все же это какая-то литература – возможно и единственная в своем смысле: может быть, такой психологический тип, как я, и в такое историческое время, как сейчас, иначе и не может писать*).

Необходимо особо выделить контексты, в которых смыслоорганизующим началом, фокусирующим прагматическое воздействие на адресата, становится авторская ирония, например: «У меня есть убеждение, что я написал книгу (“Зависть”), которая будет жить века. У меня сохранился ее черновик, написанный мною от руки. От этих листов исходит эманация изящества. Вот как я говорю о себе!» (Олеша, с. 395). Безусловно, метатекстуальность автобиографического дискурса маркирована здесь соответствующими лексемами и лексическими сочетаниями, которые направлены на оценивание писательской деятельности (*написал книгу, черновик, написанный от руки, от этих листов*).

Однако авторская ирония также сосредоточивается в сегментах высказываний, которые характеризуют литературное творчество, создавая некую двойную призму восприятия самого себя адресантом автобиографического дискурса (*будет жить века, эманация изящества*). Адекватное декодирование авторской иронии направляется самим автором посредством заключительной в этом контексте фразы *Вот как я говорю о себе!*, акцентирующей внимание читателя на том, что именно так, конечно, истинно интеллигентный человек о самом себе говорить не может.

Метатекстуальность в автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеси может иметь и явно саркастический оттенок, например: «В дневниках, задуманных специально для того, чтобы из них получилось нечто такое, что будет вскоре печататься и представит для читателя интерес, есть что-то глуповатое» (Олеша, с. 447). В приведенном контексте авторская оценка высказана прямо (*есть что-то глуповатое*), однако судить о формировании высшей степени проявления иронии позволяет весь предшествующий контекст (*задуманных специально, нечто такое, будет вскоре печататься*).

Метатекстуальность обусловлена в своем функционировании комплексом модусных категорий автобиографического дискурса – субъективностью и эгоцентричностью, персуазивностью, оценочностью, собственно авторизацией. Обозначенные категории способствуют не только отражению сознания продуцента дискурса – они имеют прагматическое значение ввиду того, что напрямую воздействуют на восприятие фрагмента дискурса реципиентом. Отличия метатекста и, шире, метатекстуальности в метапоэтическом автобиографическом дискурсе от ряда модусных категорий состоит именно в выборе аспектов рефлексии самим Говорящим [13, с. 48]. В автобиографической книге «Ни дня без строчки» находим следующий контекст в подтверждение этому: «Одна фраза, которая преследовала меня именно тем, что она – только одна, что она короткая, что она родилась не в творческих, а в физических муках. Казалось, она, подернутая рябью, бежит за мной, зацепляется за дерево, разглаживается на шерсти козленка, опять бежит, наклеивается этикеткой на четвертинку. Это был бред, это было разговаривание с самим собой, мука, жара – некурение и утрата владения письмом...» (Олеша, с. 418). Языковое сознание Ю.К. Олеси удивительно живописно, что способствует созданию зримых образов, характеризующих авторскую метапоэтику. Необходимо особо выделить в приведенном макроконтексте метафорическое восприятие писательского труда (*фраза... преследовала меня; [фраза] родилась... в муках; она, подернутая рябью, бежит за мной, зацепляется за дерево, разглаживается на шерсти козленка, опять бежит, наклеивается этикеткой на четвертинку*). Обращает на себя внимание и вводное слово *казалось*, фиксирующее авторскую модальность, а также ряд однородных членов *бред, это было разговаривание с самим собой, мука, жара – некурение и утрата владения письмом*, в котором реализована семантика восходящей градации – усиления признака.

Разумеется, метатекстовые элементы реализованы с помощью вербальных и паралингвистических средств, зачастую вступающих с модусными категориями авторизации, искренности, осторожности, ментального модуса в оппозитивные

отношения, которые, в свою очередь, способствуют продуцированию синкретичных метапоэтических контекстов. Например: «Совершенно не важно, разумеется, чем пишешь. Ведь можно и диктовать! А когда из уст великого человека вылетают какие-либо образы, ведь он их не пишет, они – в воздухе! Правда, иногда ощущаешь связь между рукой и головой, когда перед тобой белеет страница. Правда, письмо рукой – это письмо, если можно так выразиться, цепью, это бег... Что касается работы на машинке, то я каждый раз затрачиваю много силы на то, чтобы приподнять и передвинуть всю махину: возможно, это влияет на ход работы – скорее надоедает, скорее чувствуешь желание отдохнуть...» (Олеша, с. 434). В приведенном макроконтексте Ю.К. Олеша не столько размышляет о природе творчества, сколько проживает разные моменты творческого процесса именно в момент его нарративизации. Основными вербализаторами метатекстуальности выступают вводные слова и конструкции, при этом прагматика метатекстуальности в автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеша основывается на изобразительности ситуаций, обусловливаемых писательским трудом, и именно эта изобразительная сила позволяет осуществлять воздействие на воображение читателя (*ощущаешь связь между рукой и головой, когда перед тобой белеет страница; письмо рукой – это письмо, если можно так выразиться, цепью, это бег; что касается работы на машинке, то я каждый раз затрачиваю много силы на то, чтобы приподнять и передвинуть всю махину*).

Важным прагмасемантическим свойством метатекстуальности в автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеша следует считать и стилизацию его текстов под обращенный монолог. Ясно, что такой монолог адресован читателю, например: «Главное свойство моей души – нетерпение. Я вспоминаю, что всю мою жизнь я испытывал мешавшую мне жить заботу именно о том, что вот что-то надо сделать и тогда я буду жить спокойно. Эта забота рядилась в разные личины: то я предполагал, что это “что-то” – это роман, который надо написать, то это хорошая квартира, то очередное получение паспорта, то примирение с кем-либо, – на самом же деле это важное, что надо было преодолеть, чтобы жить спокойно, была сама жизнь. Таким образом, можно свести это к парадоксу, что самым трудным, что было в жизни, была сама жизнь – подождите, вот умру, и тогда уж буду жить» (Олеша, с. 251). Основными средствами метатекстуальности, тесно сопряженными с реализацией авторской модальности и субъективности, следует в приведенном фрагменте считать Я-нарратив (повествование от первого лица: *я вспоминаю, я предполагал* и т. п.), автохарактеристики (*главное свойство моей души – нетерпение*), афористичность синтаксических конструкций (*на самом же деле это важное, что надо было преодолеть, чтобы жить спокойно, была сама жизнь; подождите, вот умру, и тогда уж буду жить*). Закономерно появление в данном макроконтексте и ряда однородных членов, которые градиационно расширяют многообразие жизненных явлений.

Особое место в автобиографической книге Ю.К. Олеша занимают его воспоминания о детстве и юности. Мы вправе включить в сферу метатекстуальности и такие макроконтексты, в которых автор говорит с читателем об эпизодах, на первый взгляд не связанных с формированием литературного таланта. Однако то, как проявляла себя языковая личность писателя в прошлом,

как реализуется его образное мышление, во многом оказывает влияние на его размышления о собственной жизни и судьбе, на высказывания о писательском мастерстве. Например: «Между тем я всегда был оптимистом и очень любил жизнь. Я до сих пор помню то наслаждение, которое я испытывал, вдыхая запах свежеекрашенных зеленой краской дощечек, на которых я собственноручно выводил белилами имена лошадей, над чьими стойлами должны были красоваться эти дощечки... Масляная краска вдвухала в тело здоровье. По всей вероятности, так пахнул именно скипидар. А лошади? Видел ли я их? Не помню. Лошадей я и не приметил. Я видел только дощечки цвета луга и белые, почти колбасками возвышавшиеся над плоскостью дощечки буквы. Я исполнял эту работу как любитель, как мальчик, которому разрешили делать нечто сверхжеланное...» (Олеша, с. 251–252). Вновь читатель воспринимает ситуацию, произошедшую с автором в далеком прошлом, но это ситуация, косвенно связанная именно с писанием (не из нее ли сформируется любовь к слову как к таковому, к его изобразительности и образности?). Представляется вполне ожидаемым совмещение семантики жизни (*я всегда был оптимистом и очень любил жизнь*) и «писательства», пока еще не настоящего литературного творчества, а написания (*я собственноручно выводил белилами имена лошадей*), живописности изображаемой окружающей автора реальности (*наслаждение, которое я испытывал, вдыхая запах свежеекрашенных зеленой краской дощечек*) и его увлеченности порученным (*я исполнял эту работу как любитель, как мальчик, которому разрешили делать нечто сверхжеланное*).

Безусловно, иллюзия припоминания, свойственная в целом автобиографическому дискурсу, позволяет автору книги «Ни дня без строчки» знакомить читателя с собственными размышлениями о первой пробе пера, о том, каковы были первоначальные опыты в рамках литературного творчества, например: «Помню отрывок об Эдгаре По – как его несут подобранного в сквере с волочащимся по земле краем пальто. Помню по поводу писем Ван-Гога – какой он скромный, как в своей скромности уговаривает он брата, что в конце концов и он мог бы заниматься живописью – подумаешь! Помню о том, что моя заветная мечта – сделать сальто-мортале. Еще целый ряд отрывков. Есть где-то в папках Гершель, поднимающийся с гостем в обсерваторию, затем мое, гимназиста, удивление по поводу того, что латынь это не что иное, как язык древних римлян. Еще раньше – отрывок о том, как умер от скарлатины гимназист Володя Долгов и мы пришли на похороны, как мы шли по переулку и, казалось, церковь идет нам навстречу. Там же об окне, раскрытом среди зимы, по которому вьется, вылетая из него, занавеска, чем-то напоминающая рыдание – образ смерти. Еще много отрывков, картин, набросков, мыслей и красок. Нужно сохранять все. Это и есть – книга» (Олеша, с. 252). Представляется весьма показательным, что Ю.К. Олеша в целом ряде высказываний реализует анафору (*помню...*), что усиливает прагматический эффект, формируя доверие читателя к информации в этом метапоэтическом фрагменте. Широта литературных и эстетических интересов юного Олеша, о котором вспоминает взрослый автор, завораживает: упомянуты выдающийся астроном *Гершель, поднимающийся с гостем в обсерваторию*, эпизод смерти Эдгара Аллана По. Важны также

яркая изобразительность и символичность образного мировосприятия автора (*об окне, раскрытом среди зимы, по которому вьется, вылетая из него, занавеска, чем-то напоминающая рыдание*).

Одной из семантических доминант, организующих метапоэтические контексты в автобиографическом дискурсе Ю.К. Олеси и дополняющих размышления о литературном творчестве, выступает феномен искусства, обращение к которому обуславливает репрезентацию философских размышлений автора по поводу собственного призвания, погруженности в жизнь, растворенности в ней, например:

«Когда-то я, описывая какое-то свое бегство, говорил о том, как прикладываю лицо к дереву – к лицу брата, писал я; и дальше говорил, что это лицо длинное, в морщинах и что по нему бегают муравьи...

У Ренара похоже о деревьях: семья деревьев, она примет его к себе, признает его своим... Кое-что он уже умеет: смотреть на облака, молчать. Мне всегда казалась доказанной неделимость мира в отношении искусства. В разных концах мира одно и то же приходит в голову» (Олеша, с. 493–494).

Метатекстовый потенциал автобиографического дискурса во многом определяется тем, что в целом этот дискурс нарративен и к нему применимы критерии нарративности: таковы субъективность, специфическая коммуникативная ситуация, дистанция во времени и в пространстве между продуцентом и реципиентом дискурса, а также между субъектом Я-нарратива и изображаемым в автобиографическом дискурсе миром. Автобиографический дискурс призван осуществлять самопрезентацию, и в этом заключается его основной прагматический потенциал. В отношении автобиографического дискурса Ю.К. Олеси нами уточнены средства реализации прагмасемантического потенциала метатекстуальности, обусловленные спецификой метапоэтики этого личностного бытийного дискурса: вводные слова и конструкции; вставные конструкции; градационные сравнения и развернутые метафоры; семантические доминанты, выраженные лексемами *жизнь*, *писать*, *искусство* и производными от них, входящими в словообразовательные гнезда; прецедентные онимы; стилизация метапоэтических фрагментов под обращенные монологи. Метатекстовые элементы актуализируют специфику мироощущения художника при опоре на реалии окружающего мира. В целом такие элементы разноуровневой принадлежности в автобиографическом дискурсе писателя призваны структурировать текст как единое целое, а также отразить оценку автором истинности, неистинности, сомнительности смыслового содержания текста-объекта. Прагмасемантика метатекстуальности определяется тем, каким образом продуцент автобиографического дискурса актуализирует собственную рефлекссию относительно собственных текстов и литературного творчества.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

Олеша – Олеша Ю.К. Ни дня без строчки // Олеша Ю.К. Избранное. М.: Книжный клуб 36.6, 2010. С. 247–538.

Литература

1. *Тюпа В.И.* Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. Новосибирск: изд-во НГУ, 2002. С. 5–31.
2. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
3. *Болдырева Е.М.* Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта // Ярославский педагогич. вестн. 2017. № 4. С. 242–251.
4. *Артюнина А.А.* Нарратив как форма речевой онтологизации концепта (на примере концепта ВОСПОМИНАНИЕ/REMINISCENCE в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2019. 150 с.
5. *Bruner J.* Acts of Meaning. Ser.: The Jerusalem-Harvard Lectures. Cambridge, MA, London: Harvard Univ. Press, 1990. 208 p.
6. *Николаева Т.М.* Метатекст и его функция в тексте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 133–174.
7. *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс. 1978. С. 402–421.
8. *Гурочкина А.Г.* Метаязык, метакоммуникация, метатекст (к объему содержания понятий) // Когнитивные исследования языка. Вып. 5. Исследование познавательных процессов в языке. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 52–57.
9. *Иванов Н.В.* Интертекст – метатекст: культура, дискурс, язык // Языковые контакты: структура, коммуникация, дискурс. Материалы межвузовской научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. Военный университет, 2007 г. М.: Книга и бизнес, 2007. С. 43–50.
10. *Резанова З.И.* Внутренняя форма слова как объект метаязыковой рефлексии // Язык и культура. 2008. № 1. С. 78–85.
11. *Андрусенко Е.А.* Функции метатекста в художественном тексте (на материале произведений В. Астафьева) // Сибирский филологич. журн. 2011. № 1. С. 89–94.
12. *Штайн К.Э.* Метапоэтика: «размытая» парадигма // Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса: Антология в 4 т. Том 1. XVII–XIX вв. Барокко. Классицизм. Сентиментализм. Романтизм. Реализм; под общ. ред. К.Э. Штайн. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2002. С. 103–128.
13. *Перфильева Н.П.* Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2006. 284 с.

Поступила в редакцию 20.03.2024

Принята к публикации 19.05.2024

Горячева Елена Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов

Южный федеральный университет

ул. Б. Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия

E-mail: edgoryacheva@sfedu.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.5.40-52

Pragmasemantics of Metatextuality in Autobiographical Discourse*E.D. Goryacheva**Southern Federal University, Rostov-on-Don, 344006 Russia**E-mail: edgoryacheva@sfsedu.ru*

Received March 20, 2024; Accepted May 19, 2024

Abstract

This article explores the pragmasemantic features of metatextuality in the discourse of autobiographical narrative. Autobiographical discourse is inherently subjective and expressed through various modalities. Subjectivity is an ontological property of thinking, inevitably manifested in language. Here, metatextuality was defined as a unity of explicit metatextual elements and metapoetic meanings, given that the writer, producing autobiographical discourse, impregnates it with their personal perception of the creative process and aesthetic principles. The methods used include inductive-deductive reasoning, comparison and contrast, semantic analysis, and philological interpretation. Based on the analysis of Yuri Olesha's autobiographical book "Not a Day without a Line", the main verbalizers of metatextuality (introductory words and phrases; inserted constructions; gradational comparisons and expanded metaphors; lexemes *zhizn'* (life), *pisat'* (write), and *isskustvo* (art), as well as their word-forming derivatives; precedent onyms; stylization of metapoetic fragments as monologues) were identified. The results obtained show that the pragmasemantic potential of metatextuality is determined by its alignment with the metapoetics of the writer's autobiographical discourse as a form of personal, existential discourse.

Keywords: autobiographical discourse, linguistic identity, pragmatics, semantics, metatextuality, metatextual elements, text and discourse space

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Tyupa V.I. Essay on modern narratology. In: *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. Vol. 5. Novosibirsk, Izd. NGU, 2002, pp. 5–31. (In Russian)
2. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki Slav. Kul't., 2003. 312 p. (In Russian)
3. Boldyreva E.M. Autobiographism and autobiography: Self-construction and semiotization of the subject. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2017, no. 4. pp. 242–251. (In Russian)
4. Artyunina A.A. Narrative as a form of the concept's speech ontologization (based on the concept VOSPOMINANIE/REMINISCENCE in the Russian and English languages). *Cand. Philol. Diss.* Irkutsk, 2019. 150 p. (In Russian)
5. Bruner J. *Acts of Meaning*. Ser.: The Jerusalem-Harvard Lectures. Cambridge, MA, London, Harvard Univ. Press, 1990. 208 p.
6. Nikolaeva T.M. Metatext and its function in the text. In: *Issledovaniya po strukture teksta* [Insights into Text Structure]. Moscow, Nauka, 1987, pp. 133–174. (In Russian)
7. Wierzbicka A. Metatext in the text. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [Advances in Foreign Linguistics]. Vol. 8: Text linguistics. Moscow, Progress, 1978, pp. 402–421. (In Russian)
8. Gurochkina A.G. Metalanguage, metacommunication, and metatext (on the scope of concept's content). In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Vol. 5: Study of

- cognitive processes in language. Moscow, Inst. Yazykozn. Ross. Akad. Nauk; Tambov, Izd. Dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009, pp. 52–57. (In Russian)
9. Ivanov N.V. Intertext – metatext: Culture, discourse, and language. *Yazykovye kontakty: struktura, kommunikatsiya, diskurs. Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii po aktual'nyim problemam yazyka i kommunikatsii. Voennyi universitet, 2007* [Language Contacts: Structure, Communication, and Discourse. Proc. Interuniv. Sci. Conf. on the Current Problems of Language and Communication. Military University, 2007]. Moscow, Kniga Bizness, 2007, pp. 43–50. (In Russian)
 10. Rezanova Z.I. The word's internal form as an object of metalinguistic reflection. *Yazyk i Kul'tura*, 2008, no. 1, pp. 78–85. (In Russian)
 11. Andrusenko E.A. Functions of metatext in literary works (based on V. Astafyev's writings). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2011, no. 1, pp. 89–94. (In Russian)
 12. Stein K.E. Metapoetics: “Blurred” paradigm. In: *Tri veka russkoi metapoetiki: legitimatsiya diskursa: Antologiya* [Three Centuries of Russian Metapoetics: Discourse Legitimation. Anthology]. Vol. 1: 18th–19th centuries. Baroque. Classicism. Sentimentalism. Romanticism. Realism. Stein K.E. (Ed.). Stavropol, Stavrop. Kn. Izd., 2002. pp. 103–128. (In Russian)
 13. Perfil'eva N.P. *Metatekst v aspekte testovykh kategorii* [Metatext in the Aspect of Text Categories]. Novosibirsk, Novosib. Gos. Pedagog. Univ., 2006. 284 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Горячева Е.Д. Прагмасемантика метатекстуальности в автобиографическом дискурсе // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 5. С. 40–52. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.40-52>. ⟩

⟨ **For citation:** Goryacheva E.D. Pragmasemantics of metatextuality in autobiographical discourse. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 5, pp. 40–52. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.40-52>. (In Russian) ⟩